

ГЕЛИКОН + АМФОРА

СОЗВЕЗДИЕ
классики и современники

Светлана Бодрунова

ПРОГУЛКА

ГЕЛИКОН + АМФОРА

Санкт-Петербург
2004

Оформление серии — Дм.Горчев

В оформлении обложки использована
цифровая графика художественной студии *DigitalVision*
(www.digitalvision.com)

Когда «Прогулка» — название поэтического сборника, это обыкновенное слово само становится поэзией: в нем чувствуются и легкость, и намек на рискованную свободу, которая обозначается близким словом «прогул», и гул — поэтическое эхо звуков, наполняющих гуляку-прогульщика, и младенческое гуление, счастливое от возможности звучать:

*Это слово тшится мое, сочится,
Что ж ему так хочется получитьсья.*

Автор не ставит здесь вопросительного знака. Вопрос мерцает в синтаксисе этих строк, но поэтическая интонация его не допускает.

Почти во всех стихах Светланы Бодруновой есть это единство вопрошания, утверждения, сильной эмоции и рассуждения, поэтому так убедительна афористичность высказывания:

*мы счастье находим досадным
в своем положенье осадном
и нету дороги назад нам
мой сын будет славным и статным
пойди-ка его позови
послушать о древнем законе*

*запомни, запомни, запомни:
война наступает внезапно*

от переизбытка любви

А еще поэзия Бодруновой наполнена отчаянным любопытством: чтобы понять что-то в жизни, надо найти для этого слова. Хотя бы междометия. И междометия оказываются словами, диктуемые не эмоцией, а пониманием сущности того, что происходит; поэтому междометия превращаются в существительные так естественно:

*Щенка-то зачем на цепь, да я ж к тебе ни ногой,
Там лай стоит, эгегей гремит, такой гудит огогой...*

Автор позволяет себе не только прямое лирическое высказывание, не модное сейчас в поэтических кругах, но и

Пиит и стол

*Вот стол, тетрадь,
Над ней пиит.
Он может встать.
Вот встал. Стоит.*

*Он пьет и ест.
Он чешет бок.
Он мог бы сесть,
Но – не дай бог.*

*Тюрьма пуста.
И то сказать:
Он мог бы там
Понаписать,*

*Что мир сбивт,
Что мир гниет,
А так – стоит
И пиво пьет.*

*Так – тише нам,
Теплей ему.
И каждый знает,
что к чему.*

*Он пьет. Он рад,
Что он не вор:
Из сотен правд
Лишь та – его,*

*Что погнала –
Ах, в кой-то век! –
Из-за стола
Вперед и вверх.*

СТИХИ НАЧАЛА ВЕКА

***** (дождь)**

*Хорошо стоять и смотреть на дождь.
В лужах змейки. Куст под окном набух.
Сыроватый холод, к рукам и лбу
Приникая, кутает тело в дрожь*

*Соразмерно стуку воды внутри
И снаружи кожи... Дрожанье в такт
Называть – слияньем. Втеканье в ритм
Нарекать – дареньем. Но жить не так,*

*Как хотелось, а только лишь – как смогли,
От воды спасаясь в сухих стенах...
В слове «жен-щи-на» столько дождя и мглы,
Что мужчина вряд ли заметит «-на!» –*

*Третий слог змеиным шуршаньем скрыт.
Никому не отдана третья треть...*

*Воздух светится. Листья куста мокры.
Хорошо стоять и смотреть... смотреть...*

Публичка

Летает пух, и мутно в воздухе,
И слабопасмурно, и дымно,
И в нем разлито что-то грозное
И непонятое простым нам.

А на библиотечной лестнице
Сидят с учебниками дети.
Опять читают околесицу
И мельком думают о лете.

Они однажды станут взрослыми
И напридумывают песен...
Им невдомек, что мир за окнами
На самом деле бессловесен,

Что светоч мысли в этом здании –
Всего лишь знак светонесенья,
Что все слова во всех изданиях
Не стоят их произнесенья...

Лето. Горе белокожим!
Пахнет в воздухе паленым.
По толпе гуляет ветер
Лета, пота, всяких дел.
На кого-то так похожа
Эта девушка в зеленом.
Ты ее недавно встретил,
Но не помнишь, с кем и где.

Этот город забормотан,
Одурачен, пропутанен.
Этот нищий пропил роскошь,
Весь зарос, пропах, опух...
Мне напомнила кого-то
Та, в зеленом и с цветами,
Так безудержно и броско
Раздвигавшая толпу.

Стать бездомным и смиренным,
А потом сойти с катушек!
Все трамваи спят и видят —
Чтоб на полном на ходу!..
Стал навязчивым рефреном,
Стал синонимом удушья
Миллион зеленых нитей...
Не догонишь. Не уйду.

Зелень, буйство — кризис лета.
Сумасшедший дом заполнен.
Это в нем — в твоих объятьях,
Это в нем — в палате люкс
Я — стремительно и слепо
(Ты едва успеешь вспомнить),
Как была — в зеленом платье —
Никогда не появлюсь.

На Стрелке

Любимые! Мне радостно и страшно
Осознавать, что каждым новым утром
В Неве подлédной новая вода.

Такие дни — безветрие, мороз,
Пустое небо — в Петербурге редкость,
И город желто-сизо-голубой
Встает большой трехмерной голограммой
Вокруг меня, и если повести
Глазами вправо — он сместится влево,
Как по дуге, и значит, от меня
Идет отсчет координат пространства.
А время — время свернуто во мне
Пружиной, не стремящейся проснуться,
Раздвинуться... И город светел, нем
И неизменен... Только там, под толщей
Глухого льда бежит живая жизнь,
Как жуткий знак другого измеренья,
И мой покой — мой OXYZ —

Сметён. Смятен. И что же? Улыбаюсь
И делаю неторопливый шаг
Не по оси абсцисс к искомой Стрелке
Васильевского острова — а внутрь
Себя. И распрямляется пружина,
И оба направления — вперед,
К неведомому, и назад, к былому, —
Мне равно предоставлены. Домá
Меняются: становятся моложе,
А значит, старше. И река уже
Готова вскрыться. Это значит, скоро
Живой поток омоет мне глаза,
И я увижу корабли в заливе,
На Марсовом сирень и вас, мои

Любимые. Мне радостно. И страшно...

маленькому гению

Мой мальчик золотисто-сед
И как-то странно гениален:
Он спящий жрец ночных бесед,
Он мастер спрашивать, не я ли,
Оставив сны на одеяле,
Брожу босая по росе

В ночном саду, — в тот миг, когда
Я утро лью в его ладони,
Но сон глубок, напрасен дар,
И нет тогда меня бездомней,
И небеса на зов мой дольний
Не откликаются... Слюда

В окне темна. Моей заре,
Увы, не падать в щели ставней...
Ведет ночная птица трель,
И мир уже не держит в тайне
Слова: «Тебя вот-вот не станет.
Придет рассвет. Между дерев

Умолкнет вещей козодой
И сад окажется зеленым,
Когда, бессмертно-молодой,
Лучами нимба опаленный,
Проснется самый невлюбленный
Твой мальчик солнечно-седой».

капельки

*...Генрих Рех, Вы – Болейн.
Ксения Щербино*

капельки катышки скаты кровель
тауэрных камерных немо-фильмных
всё в настоящем вильгельм и кромвель
анна больна недержаньем крови
в синеньких трубочках гемофильных

я заразительна я смешлива
да я заразная я такая
я заражаю гемофилией
в грудь утыкаясь лохматым ливнем
тело ресницами протыкая

красные ниточки вяжю вестью
верностью смертному приговору
весь ты пронзен мной пронизан весь ты
проистекаешь из всех отверстий
капельки дождик копыта город

казнь на закате? ты болен Генрих
будет ли бог на рабочем месте
чтобы принять тебя там в гееннах
женщина только носитель гена
капелек камушек холмик крестик

Пасха

в подражание Наталье Хилькевич

птица моя небесная
розовое крыло
клюй кулича воскресные
время застыло местное
было мол да сплыло

что петухи что горлицы
все кукушат плодят
птица моя позорница
дернется клонет дернется
разве же ж так едят

солнце к башке привязано
маятник желтый круг
что ж Он молчал про Пасху мне
я же ж родился — пасынок
я же ж мечтал — умру

длится твой крик над рощицей
воздух пластом лежит
плачется мне и ропщется
птица моя пророчица
сколько ж теперь мне жииииить...

колыбельная наоборот

ррраз-два-три ррраз-два-три тянется канитель
то ли года то ли вновь города не те
то ли полна под завязку следами тел
пристань моя постель

ты не смотри и не плачь в уголке листа
мама какой я сонный устал устал
теплое слово дышит в твоих устах
сынку считай до ста

баюшки баюшки вряд ли во сне растут
не одолеть расставаний преград простуд
шарик упал с потолка на диван и сдут
разница амплитуд:

детские простыни скомканный грязный лист
ты мне стелила а я никакой стилист
на плащанице отметины сотен лиц

нечем перестелить

О бывшем

...И нет тебя. И вижу я сквозь сон,
Как тишина тягучими слезами
Течет по стенам, заливая пол.
И кажется, что пяткою босой
В нее ступить — как выдержать экзамен
На выдержку. И мой холодный пот

В миг пробужденья — тоже род воды.
...Будильник, стилизованный под старый,
Орет как новый, воздух теребя.
Девичника вчерашнего следы
Мучительны: в углу пустая тара
И мутно в голове. И нет тебя,

И — нет — тебя! Два стула у окна
Неловко жмутся к белой батарее,
И жаль их, как оставленных детей,
Которых называть по именам
Чужой мужчина вмиг поднатореет...
И нет тебя. И широка постель

И неудобна, как ночлег в гостях.
Но — обещаю, милый, — ненадолго.
Ты знал про всё: про капли на стене,
Про утро в одиночестве, про страх
Вдруг захлебнуться...
...Бритвенная полка
Пуста. Ты был. И нет тебя. И нет...

УСЛОВНЫЕ НАЗВАНИЯ

***** (кто камушком...)**

*кто камушком морским, кто пеною к ногам:
продолжиться, ожить, переродиться.*

*Усталые тела лежат по берегам
потерянного девства или детства*

*и шепчут: принимай; и шепчут: пеленай.
Как колыбель, поскрипывает галька.*

*срастание с землей, слияние с волной:
последний атом. ничего. нисколько.*

***** (вновь я посетил)**

...И вовсе это не деревня
Была, а городской поселок.
Назад лет двести — панский грошик,
В семидесятые — райцентр,
Но — ни асфальта, ни поземок,
А солнцепек и подорожник,
Над речкой старые деревья,
И я на вымытом крыльце

Сижу, дожевываю скибку...

За мамин зов из огорода,
За комариный зуд на коже,
За звук, с которым лебеда
Ломается, за спинку кильки —
Чего бы, господи, не отдал...

Чего б ни отдал, мир такой же,
Каким не выболел тогда:

Там шкодой называлась шалость,
Прабабушка хвалилась нэпом,
Цвела картошка у соседей,
Мне было шесть, почти что семь,
А лето шло и не кончалось,
На улице кричали дети,
И солнце улыбалось с неба,
Как настоящее совсем.

*** (васильевский осень)

я выбросила в реку всё что было:
очки, помаду, паспорт и тетради.

стояли корабли на вечном рейде,
уроды получали по хлебалам,
машины носом тыкались друг в друга,
висела красота по-над рекою.
я мыслью по асфальту растекалась:
что значит в итальянском слово «droga»?
уж точно не дорога, я-то знаю.
на нёбе вкус кафе, шагов и зноя.
на морде сфинкса ветер, сон, молчанье.
на крыльях голубей одно печенье.

в моей руке лежит в кармане дырка,
а в рюкзаке — статья Олега Дарка.

я выбросила в реку всё, что помню.
не говори: разбрасываешь камни,

а говори: отбрасываешь крылья,
как будто кормишь голубей печалью,

и крошки разлетаются по небу
плевками с ангелического нёба.

рыба рыба

для л.в.з.

Ты дышишь, дышишь: ребро к ребру,
Потом ребро от ребра —
И только так усмиряешь дрожь,
И время сверяешь так,
И смотришь: Господи, я умру?
Поправь же меня, поправь, —
И слышишь вроде, что *не умрешь*,
Покуда вода чиста,

Пока река голубей небес

И поит мне голубей,

Пока раскиданы невода

И бредни мои святы...

Но реку тронет последний всплеск —

И волны слабей, слабей;

Но те, кто может позвать: сюда! —

Сподобятся немоты;

Но те, кто призван ловить других, —

Не хватятся ни о ком.

В лазури блекнет кусок луны,

Дробится в воде собор,

И рыба спит в глубине реки,

Прикрыв глаза плавником —

Глаза, которые не вольны

Закрывать сами собой.

Чего стоишь? Восходи наверх,

Течение раздвигай,

Скорей насаживай на крючок

Заждавшуюся губу.

Тебе всю жизнь не хватало век,

Но век шагнул через край —

И пусть сольется вода со щек,

Озноб пройдет по горбу, —

И ты ослепнешь, ослепнешь так,

Как будто навек прозрел:

Как мал лоскут водяной парчи,

Как мир смертелен и вскрыт!

И в ребрах будет сплошной наждак,

А в пальцах — ненужный мел.

Ты рыба, рыба: молчи, молчи,

Пока твой рот говорит.

*** (приземление)

Пасмурно, очень пасмурно, с земли не видать легко,
Что мой самолетик падает в свет и дым облаков,
Что вот я смотрюсь, как в зеркало,

в белый иллюминатор

И думаю, трепещу: это ж надо, это же надо,
Боже, я так близко к тебе, случайно меня коснись,
Я могла бы поспнить тебе еще, но боюсь, что вниз,
Вниз, мне пора, мне надо, мой вес говорит об этом,
Хочешь, я буду вестником, уродом твоим, аэдом,
Дело совсем не в теле, святом невесомом теле,
А просто терпенье кончилось считать и копить потери,
И я почему-то счастлива.

.....

Ветрено. Плюс четыре.

*** (птенец)

Пещерная нежность, и грубый помол поцелуя,
И голый птенец — да святится, аминь, аллилуйя!
Что нужно еще, кроме сырости, мрака и глада,
Чтоб странные счеты сводить в глубине Ленинграда,
В замшелом колодце, в надтреснутых дланях святого,
Как утлая лодка, несущих последнее слово...
Молчащий поведать, уснувший прозреть-оглядеться,
Что нужно поверх непокрытой головки младенца —
Мое ли весло над водой, ремесло ли отцово —
Последнее слово, последнее первое слово.

*** (Лермонтов)

1

Я ехал на перекладных из Тифлиса.
Да что там, в неведомом этом Тифлисе?..
Нырятся повозка с повадкою лисьей
Меж гор разномастных, зубасто-скалистых:

Какая картина!.. дневная картинка:
Грузинка в начале, в конце осетинка,
Кокетка, красотка, крестьянка, кретинка,
И контрабандистка, и полу-блядинка —

В тифлисской одышке, на съёмной квартире,
Где вонь изо рта, как в солдатском сортире,
И винные пятна на сальном мундире,
И дрожь хохотка: поделом же задире! —

А мне бы — черкеска, и конь незашорен,
И зову обучен, и мягко пришпорен!..
Пусть взгляд осетина прищурен и черен,
Пусть Фридрих рисует, пусть пишет Печорин —

Бумаги в дороге размокли, размякли,
И жалкие люди ютятся по саклям,
Живут и не ведают слова «не так ли»,
Зигзагов позерства, фатальных пантаклей —

А только зигзаг, до оскомы знакомый:
Казбек и Дарьял, и усталые кони,
Я ехал в кибитке, я ехал на Коби —
В обнимку с метелью, в ухабной икоте —

Один над стремниной, ни конный, ни пеший,
Ублюдок режима, осколок имперский,
Рассказчик, узнавший из авторских версий,
Что кто-то умрет, возвращаясь из Персий

куда? — неизвестно куда.

2

злябнут плечи, ладони дрожат, холодеют виски,
а в раскрытые окна летят и летят лепестки —

как написано в книгах, — на горный похожие снег...
застываешь под шалью, по скатерти шаршишь пенсне —

и не видишь, но слышишь сквозь сонную, ватную муть:
то ли злится на псарне убитый под Тушином муж,

то ли сосланный сын по-хозяйски стучит топором,
но не вырубит то, что написано этим пером,

и взметнется рука, и захлопнется с криком окно,
и Любовь сернокислую воду добавит в вино,

и война захлебнется нарзаном, шипением пуль,
и закатится сердце за гору, за вал, за патруль,

упадет со скалы офицерик с пробитой башкой,
и не то чтоб сие предвещало вселенский покой,

но коня расседлает последний разбойник и вор;
будет крепость стоять, но внутри не найдут никого;

лишь один еще жив, и лошадка не знает кнута,
и влачится кибитка — куда? неизвестно куда.

пейзаж после битвы¹

старая-старая пленка
скрипач сыграет для зеков
мнущихся на невытоптанном снегу
в автомобиле зеркало
скрипка и поллитровка
профиль искусанных губ

из-за дефектов пленки кажется — снег идет
нет, он идет взаправду
два, получается, снега
тот, что метет косым с неполосатого неба
и тот, отродье варкрафта,
пленочный, черный, мечущийся, как вражеский дзот

в нутре у прицела
я только хочу спросить: зачем там скрипка играет,
зачем там кто-то живет
в сорок таком году живет и не умирает,
когда у любого тела
навекки замер мирный его завод

я буду спрашивать, спрашивать,
там люди в подол набирают книг,
сидят, едят, разговаривают, скручивают папиросы
пустые вопросы
кто наши и кто не наши,
кого не нашли в могиле, откуда там снег возник

ответы написаны, очень прямые ответы
на белом лбу, на саване погребальном
на крыше костела и крыльях родившихся воробьев
никто тебя не убьет
я знаю об этом твердо
и люди стоят, поют, скрипка скрипка орган

¹ «Пейзаж после битвы» — польский фильм про послевоенное время. «Темные воды» — японский ужастик. Они стояли рядом в программе передач на 20.05.2004

люди светловолосы, подслеповаты,
теплолюбивы,
но заметены на треть
я думаю, проще смотреть на темные воды,
чем на пейзаж после битвы
просто так, без, кавычек, смотреть

случайная реминисценция

про рецензию А. Немзера на книгу З. Гареева «Парк»

я хотела бы познакомиться с Зуфаром Гареевым,
его лет десять назад так мило рецензировал Немзер.
а еще мне хочется в Ревель, познакомиться с Ревелем,
нет, не с Таллинном-АнтиСталиным,

компромиссным и компроматным,
матерщинным,
смешным,
печатным,
пустым,
бумажным —

а с нормальным городом, где голуби на карнизе,
где легко читается проза конца столетия,
где любое дерево — иллюзорная граница
(я уж не говорю про Парк,

там еще сохранились лебеди,
очень белые, очень вечные,
прямо как гипсовые бюсты Ленина);
подойди, толкни это дерево —
подломится у самого низа,
будто срезанное, и на срезе будут кольца —
не поколения,

а скачки инфляции и уколы
европейского гормона роста.

ах, Проза Конца Столетия,
человек — это звучит просто,
это звучит цельно и поэтому
подламывается у основания;

это смотрит в тебя из книги
и называет Таллинном Ревель.
мое дерево будет падать, задевать другие деревья,
и откроются кольца, лица, одинаковые с затылка,
потрясенная декорация, пустота листа, недоделка,
заштрихованные лебеди-голуби,
городок без свойств и названия,
превращенный в литературку,
как любой другой или третий.

я хочу познакомиться с тем,
кто стрижет газоны в словесном парке,
кто, как я, подгоняет действительность
под прорези в трафарете.
где ты, где ты, Зуфар Гареев, о тебе писали газеты,
я хочу с тобой познакомиться,
отзовись мне, скажи мне, где ты,
это, видно, и будет жизнь, если ты отзовешься, парень.

начитавшись фанайловой

два стиха про летящую девочку

1

Hi darling, up there it's gonna be windy.
А внизу ничего не видно, девочка Венди,
Темнота застигает дома, над которыми ты скользишь,
Колокольчик врывается в ветреный твой пейзаж.

Раскрываются окна, ругаются люди, смеются дети
О любимом твоём, о бандите твоём, садисте,
Эгоисте, внизу ничего и вверху совсем пустота,
Говорила же мама, не ходи гулять без пальто,

Оставляя бессонницу ночевать за тебя в кровати.
Говорю тебе: хватит, ну-ка иди сюда, вот тебе, вот тебе,
Вот тебе целый мир, бесконечный слепой повтор,
Лучше которого, хуже которого, иначе которого

Нет и не будет.

2

Но как же пятка любимого, за которую я держусь,
И горжусь, и стыжусь, и ватще непадецки так завожусь?
Оттого и вожусь с ним, эгоистом, бандитом, богом,
Чтобы было откуда отсчитывать
семь миль под топливным баком;

А моя бессонница портативна и так умна,
Что всегда вернется, как собачка, вернется,
oh my weak Thinkerbell, ко мне —
Колокольчиком в голове,
ступней, сливающейся с облаками,
Хронокомпасом, говорящим,
что от дома так далеко мы...

Моя слабая, храбрая Thinkerbell,
там вдали наступает день,
Я люблю тебя больше всех, золотая моя Динь-Динь:
Ты мой внутренний враг, ты посветишь — я онемею.
Даже Питер тебя не поймет так, так я тебя понимаю;

Я люблю тебя больше всех — это значит, никто вот так
Не возьмет тебя в руки в розовеющей высоте,
Не отпустит пятку любимого, улетающего впопыхах,
Не задушит тебя, немолчную,
с первым утренним петухом,

Чтоб никто не сумел вернуть неуместное в жизни —
к жизни,

Неподвластное смерти — смерти,
ибо нет ничего ужасней,
Чем лепечущий в недрах голос,
колокольный звон для одной
На небесном дне у порога дня — и любимый, какого нет,

Нет и не будет.

*** (дом кино)

плохое зрение — минус три,
и резкость — та же, что наяву.
с цветами носится мерил стрип,
хоронит птенчика кидман-вульф,

ты крутишь прядку мою в руке,
мурлычешь на ухо мне мотив,
и время катится вдалеке
от самых горьких ретроспектив,

и на цепочке сидят часы,
и сплошь целуется кинозал...
у героини кудрявый сын,
у сына правильные глаза —

он смотрит, смотрит на нас в окно,
откинув крылышки двух гардин:
продли — ты слышишь? — мое кино,
еще — о боже! — не уходи, —

но что за дело тебе до них,
до глаз, попавших в размытый кадр?
ведь вот же, вечность ведет дневник
моею прядью в твоих руках,

и в нем «утопленницы» и «спид» —
слова, не более чем слова.
но кресло сломанное скрипит,
очки мешают зацеловать,

кричит кларисса: не покидай! —
к чертям собачьим сгорает торт,
и, словно пленка, моя беда
опять поставлена на повтор,

и молча смотрит в свое окно
бессильный маленький серафим...

пойдем, пожалуйста, в дом кино
на онемевший от горя фильм.

нестройная плясовая

...а ты мне не рассказывай сказки, моя дорогая.
Напридумывала: вернется! вернется! — когда у него другая.
Дом на горе стоит, в доме горит свеча:
Шубидуп, танцуй твоя выдумка, пропадай мой сон, чачача.

Дом на горе стоит: забор, на цепи щенок,
Чтоб если какая сунется — бежала бы со всех ног,
Спасалась бы от позора: щенком напугали, глянь!
Такая вот похабень, моя дорогая, да погулянь,

А ты талдычишь мне чушь, краса моя,
и плачешь по-городскому...

Да не пойду я на эту гору, хрен с ней,
отдамся кому другому.

Щенка тебе жалко, дурочка? ну разве только щенка.
А мне бы если б попалась вдруг дружка моего щека

Под жаркую руку — вот бы уж погладила б, уж спросила б:
Да что же ты не боишься ни слова людского,
ни божьей силы,

Щенка-то зачем на цепь, да я ж к тебе ни ногой,
Там лай стоит, эгегей гремит, такой гудит огогой...

Не плачь, городская. Слышь, как спросят,
скажи — у нее другой.

из цикла «письма этой весны»

5

да, говорили, что ветер, что так бывает,
и до сих пор говорят (до сих пор живые),
так, мол, и так, открывается, свищет, воет,
веет колючим, заходит, синевеет,
так, мол, и так, хорошо, что оно такое,
именно это, которое так пугает,
не заикайся о прочем, ну что ты, что ты,
что теперь, если от этого нет защиты,
что ж ты терзаешься — трогаешь и теряешь,
так и проходишь насквозь, на ветру стареешь,
что же тебе ни дна, ни пустой крыши,
что ж у тебя отнимается жизнь по крошке,
дыры в холсте намекают на бесконечность,
видимый мир обретает неоднозначность,
словно слова опадают, фрагменты паззла
вдруг облетают к ногам и лежат без пользы,
осень не осень, а в марте бессменный август,
мнется в дрожащей руке онемевший логос,
свет, шелуха, шелестящая штукатурка,
сказка меняет шкурку, линяет — жарко,
просится: холодно, сделай, чтоб всё как раньше, —
вот и ломаюсь, кидаюсь, леглю и крашу,
клею листочки-заплатки на слюнку, жвачку —
не осыпайся, реальность, укройся, вечность,
хватит, на горе такое меня не хватит,
нет, говорят, хорошо, это ветер, ветер,
это весна наступает, оно бывает,
это тебя забывают, тебе не верят,
выйдешь к апрелю невидимая, святая,
только бы горя хватило, хватило б ветра,
чистого света, забвения, испытанья.

6

заберу у тебя головную боль,
и любовь, натертую, как мозоль,
и усталый сон, и в суставах соль,
 позабытый внутри песок:
на глазок чудес — то ли в травах сок,
то ли в пашне режется колосок,
то ли выйдет прок, то ли бог-игрок
 нас положит на левый бок,
а на левом — не спится в такую рань,
о не тронь, я только прошу: не тронь,
я не помню роль, не играю роль,
 мне сейчас хорошо: апрель,
и не то чтоб ты меня всю согрел,
но куда-то делась твоя мигрень,
и песок из ран, шепоток из крон:
 забери меня, забери,
отопри мне дверь, я не вор, не зверь,
что ж теперь, куда мне идти теперь,
там возьмут топор, там земля под пар —
 не родящая, хоть убей,
и чудес обещано мне и бед,
но грубей бока мои, всё грубей,
так разбей мне лед и песок развей —
 я же твой.
я еще живой.

*** (виноград)

у кого шиповник, а кому виноград,
ничего не помни, прощай стократ.
никакой любви, никакого зла:
ни как цвел жасмин, ни как жизнь возшла,

ни как падал свет, ни как сад стenal,
как ползла трава по заборам вверх,
как лилась лоза через край стены:
что скажу лозе — не скажу траве,

а траве скажу: лепестки лежат,
семена-кунжут и фундук-орех,
что возьмет земля — не отдаст назад,
никакой любви, никакой не грех,

а лозе промолчу: через край ныряй,
оплтай алычу у дороги в рай.
у кого шиповник, пустоцвет, бесплод —
алычой наполнит увялый рот,

а вот кому виноград: в лозе, на краю,
взял простил стократ, забродил, пропал...
ничего не помню, всё узнаю —
как побег такусенький, как усик мал:

у лозы простившей плодов не рвут,
никакой любви — ко всему готов:
перелей под корни, уложи в траву
молчаливый уксус, лепестки садов.

mafusi

Делитесь подарками всеу,
Делите с гостями приют...
Она безвозмездно танцует,
Они безмятежно поют

На летнем своем диалекте
С норманно-арабской гнильцой...
Ты взял из шарманки билетик,
Ты вызвал к себе на крыльцо

Непарные ноги тринакрий,
Усталые стопы Харит...
Дели обязательно на три
Всё то, что она говорит,

Дели и на сто и на двести
Веселые взгляды гостей.
Она не приносит известий,
Они не суют новостей

В лукошко пытливой хозяйки,
В ладошки твоих малышей...
Скорее плати попрошайке
Втройне от своих барышей,

Плати — и под скрип «Августина»
Пляши на гончарном кругу!
Она — Розалия, Сикстина,
Но дьявольски гнется в дугу!..

Приходят — а Бог их не знает,
Соседям — и тем невдомек...
Не весть, но примета дурная:
Приснится, что пляшешь, и взмок,

И выпачкан соком черешен, —
А утром в холодном поту
Проснешься — задушен, повешен,
С билетиком счастья во рту.

*** (последний герой)

неумелое подражание Юрию Рудису

Ты согласишься — как спросишь, и что отвечать?
Ты не спрашивал раньше о многих вещах,
А теперь и вопрос наготове,
Но гнездится молчание в слове...

Ты не спрашивал раньше, молчи и теперь.

Что-то варится — ешь, наливается — пей.

Я подсяду за стол... я помою...

Я застыну в тревожном покое:

За спиной телевизор — цветной инвалид —

Про людей говорит, умирать не велит,

Всё твердит «на кого вы похожи»

И «когда это кончится» — тоже.

Ты прости, но решать не ему и не мне.

В этой сонной, укрытой печалью стране

Мы живем — и не то чтоб не чуем,

Но как будто снаружи ночуем,

И молчим невпопад, и сидим в полутьме...

Наше плоское солнце сгорает в момент:

Взорвалось, полыхнуло, распалось...

Кроме нас, никого не осталось,

Так забудь телевизор и вспомни кровать,

Будем жить-поживать, ночевать, горевать,

И родится ребенок в июле:

Баю-баюшки, гулюшки-гули,

В волосах рыжина, на губах тишина,

Словно речь навсегда уже обожжена —

Не спасут ни вопросы, ни строфы

От такой бытовой катастрофы,

Где замкнувшее сердце тихонько искрит,

Телевизор рябит, это снег — говорит,

И шуршит, заминается пленка:

То ли летом не будет ребенка,

То ли осень настанет — и кончится роль,

То ли в телике сдохнет последний герой

На пустой государственной даче,

И никто по нему не заплачет.

ВТОРЫЕ

Я

ПОСВЯЩЕНИЯ

***** (san benedetto)**

*кто искал это место нашел это место здесь
сан бенедетто дель тронто что-нибудь в этом роде
Арсений Ровинский*

*giudando il jeep accanto le mura
non nella Via Appia
lontano da vie ampie
ma attraversando le vie scure
sabbiose e laterali e miserabili
le vie non importanti ma pure
proprio indimenticabili
noterai un pò di sangue fresca
e un paio di vetri
frantumati sul marciapiede
maledetti son' quelli due metri
vicino a un San Benedetto di Forsecredi
guardandoli tutt'in folle, vedendoli molto presto
puoi dimenticare il nome in un momento,
dimenticare il luogo, lo scopo del tuo visito,
il nome tuo, e dove vai, e che c'è il risico,
ma quello che ricorderai nel resto è
che niente deve sporcare il movimento*

поборающему человека. отрывок

Александрю

...как я помню мелочи дней и лет!
в эмгэу, в неведомом феврале
ты играешь в карты за дальней партой
эпизод одной из бесчетных партий
а профессор ходит у дальних парт
и не видит вроде но опа-па
говорит улыбаясь: что ж вы

что ж ты сын мой играешь проямлит бог
он тебя береженого не сберег
а теперь небрежного так лелеет
что и тлеет боль, а гореть не смеет
что приходит страх, позвонит — и в лифт
открываешь — только щепоть земли
принесенная на подошвах

оттого ли ты страх повергаешь в прах
что со мной не прав и кругом не прав
и бежишь — не смотришь куда ступаешь
ты кого угодно заколебаешь
как больной стыдящийся гнойной раны
как слепой израиль небогоравный
лишь наутро подъявший веко

виноват ли твой изошренный мозг
что со мной тягаться и ты не смог
что от слова как от чумы отпрянул
не желая радости — только раны
чтоб не бог тебе посмеялся вслед
а такой же в зеркале на земле
поборающий человека

*****(бабушке)**

...А ты не вспоминай, не надо, —
Не смей, не смей! —
Как бился в банке с маринадом
Беззвучный шмель,

Как спал отец на табурете
Спиной к стене,
Как брат при немцах в сорок третьем
Был глух и нем,

Как партизанили в подполе
Гусак и псяк,
Как ночью выгорело поле,
А хата вся

Ходила ходуном от залпов,
От волн взрывных,
И кожа впитывала запах
И грязь войны,

Шмелиный гул, такой негромкий,
Густой, простой...
А после третьей похоронки,
Лет через сто —

Был обморочный, но победный —
Свободный — март,
И солнце выползло из бездны,
И пела мать,

И кто-то считывал «Смуглянку»
С сиротских уст,
И земляника над землянкой
Пускала ус.

*****(сестре)**

это каждое утро, это долгие годы длится:
сколько мне, блин, под дверьми тут еще молиться,
алина, мне уходить, мне надо накраситься,
выйди уже из ванной,
выйди из ванной, оторви свою задницу от дивана,
делай же что-нибудь, делай,

так всю жизнь пролежишь без дела,
а она отвечает: поменьше бы ты... болтала,
больше бы делала; посмотри, я легко одета,
мои руки тонкие, кожа не просит еще апдейта,
я цвету, у меня нет глаз, чтоб учиться бояться мира,
покорми меня, я голодная, если ты меня не кормила;
не ругайся, не измывайся, я умру от твоих ироний,
кто ты есть, чтобы знать и судить

о моей трехгрошовой роли,
да, ты каждое утро ждешь меня возле ванной,
но я та, которая не предаст тебя целованьем,
подожди, пять минут не время, не рвись — сорвешься,
раньше выйдешь и раньше судьбе своей попадешься,
не оставь меня, не кричи на меня, дура, дура,
я с рожденья по части силы тебе продула,
я одно могу: я тебя бесконечно тоньше,
вот, я вышла к тебе, я люблю тебя, я люблю тебя. —
я тебя тоже.

Оттепель в столицах

Юлии

Так медленно, по капле тает свет,
Так тихо время капает из крана,
И тишина — огромна, многогранна —
Стекает вниз, от Питера к Москве,

По колеям, по санному пути,
По рельсам с каплевидным царским следом,
И ночь меняет карту, и с рассветом
Не обойтись без кладок и плотин...

И Питер весь зальет, и к часу дня
Наладят водяное сообщенье,
И невякая вода с песком и щебнем —
Строительным и поднятым со дна —

Взломает русло Яузы, и льды
Пойдут по всей Москве, дробясь о стены, —
И вдруг уравновесится система,
И наконец-то уровень воды

По принципу соединенных чаш
Сравняется в затопленных столицах,
И время вовсе перестанет литься,
И будет, словно дождь, из туч сочась,

Так медленно, по капле — таять — свет...

Баварский праздник урожая

Анне

Сегодня закончена жатва.
— *Эй, пляши, пляши!* —
Как юбки у Анны кружатся!
Как ножки ее хороши!

Так много и пива и песен —
— *Эй, танцуй, танцуй!* —
на площади! Пьяным напейся!
Как вышивка Анне к лицу!

Пусть руки ее загубели —
— *Эй, играй, играй!* —
зато уж передник набелен:
крахмальный топорщится край.

Смех Анны — поток карамели...
— *Эй, быстрее крути!* —
Не хватит баварского хмеля —
Осмелиться к ней подойти.

И нет, не помогут напитки, —
— *Эй, сюда! Мы тут!* —
Когда на заре до калитки
Другие ее поведут.

*** (август)

Саше – с неизменной теплотой

*Если не падают с неба вода, звезда –
значит, не время подбелить потолки...*

Александр Кабанов

Так надвигается август — сезон дождя,
Время закладывать за воротник и ждать:
Что-то случится, размочит пустой ништяк,
Словно по коже пройдет слегонца наждак —

Больно? а лучше бы больно, чем гнить в раю
Книжном — божьем — семейном — еще каком...
Тело небесное снова дало приют
Каждой звезде за небеленым потолком;

Что ж ты не спишь и не видишь усталый сон
Со звездопадом и градом — смотри, во сне
Так отшлифовано счастьем твое лицо,
Что и наждак неуместен... Но август нем:

Пусть бы звезда взорвалась по пути к руке,
Пусть бы вода — серафический хор навзрыд!..
Нам ли не спать, по разводам на потолке
Силиться что-то прочесть, не желать зари;

С нас, так богатых молчаньем — что твой набоб, —
Что с нас останется, кроме случайных книг?
Может, тебе одному милосердный бог
Колкое время заложит за воротник.

*** (крыжовник)

Лесе Кабановой

Думаю про Киев: разорвется ли сердце?
Омут опрокинут: надевается сверху.
Зажигалка щелкнет в распахнутых сенцах,
Огонек в зрачке — размером с Вегу.

Загородный домик с Днепром у калитки,
С запахом медовым от вишен и липы...
По одноколейке приплыли б пожитки,
И пришли б коллеги (я знаю, пришли бы) —

Встретить груз любви, нарасказывать сплетен...
Ласковой лавиной сметут — не ломайся!
Каждый северянин — не игорь, а бледен:
Вот тебе варенье, поспи, оклемайся,

Выйди за калитку, обопришь на колонку,
Затяни калинку, а то ли смуглянку...
Нэсэ Галя воду так ладно и ловко,
Тянет тесноватую поденную лямку —

Вот и рвется сердце — от привычной картины,
Легкости в беседе, походки степенной...
Думаю про Киев — людыну, дитыну:
Кто ж они такие — чуть тронуты песней,

Слеплены из глины почти первородной —
Глянь: кудрявы клены, дубы чернобровы...
Думаю о нем — о траве приворотной,
Загородном доме, отраве днепровой...

Мне бы онеметь на случайной ночевке,
Прекратить шагать по истертой бобине,
Перестать во тьме зажигалкою щелкать,
Звезды зажигать и грустить о чужбине —

Чтоб остался вечер сиренево-желтым,
Чтобы недалече — рассвет и полудень,
Наливное солнце, и терпкий крыжовник —
В плошечке весов, как на праздничном блюде.

*****(читая Мякишева в самолете)**

*Дорога и река – две ленты...
Евгений Мякишев*

От пепелища до пожараща
Пройдет водица-половодица...

...Мой самолет уже снижается,
И под крылом – поет, как водится,

Но не тайга, а лес Карелии –
Пространства снега ноздреватые,
Как мы, совсем незагорелые,
Как мы, отчасти виноватые

В длине дорог, и в рек змеении,
И в нашей пепельной летучести...
Мы рвемся в третье измерение
От безымянной плоской участи,

Но, как и были, имяреками –
Летим белесо-невесомо над
Землей, дорогами и реками
На ромбики располованной.

*****(про одного мальчика с фотографии)**

Евгению Мякишеву

Мальчик – ручонки из гуттаперчи,
Мальчик, подверженный древней порче,
Яблочко-дичка, пророк-копейщик,
Чистящий перышки грачик-спорщик,

Мальчик, в котором не видно ретро
За распахнувшимися крылами,
Мальчик, бросающий сигарету
В осень (и так возникает пламя)...

Миг под пятой – как ни стань – обманчив,
Гибок и падок на все изъяны
(так возникает легенда)... Мальчик,
Не происшедший от обезьяны

(впрочем – учебники, двойки-тройки,
шумные классы-кулисы-кляксы...), –
Не приближайтесь к людским постройкам,
Мальчик, умеющий удивляться:

Вот оно, вот – побережье жизни,
Всё – из песка, глинозема, камня,
Хлеба, вина...

Кто он был, скажи мне,
Тот, с гуттаперчевыми руками...

Санджару

*А память, что внутри меня молчит, —
Она, как мумия, мироточит.*

Санджар Янышев

Видишь ли, тишина не хранится долго
(мне бы, конечно, следовало говорить тебе
«Вы», но интимность тона утонет в формуле,
слово погаснет...). В медленной какофонии
вечера плавает хруст невесомой дольки —
ломтика — яблока, аплодисменты зрителей
там, за стеной; крики птиц, хохоток подонка
тут, за спиной; и не то чтобы очень мнителен

каждый из нас — но как только провиснет пауза
(то есть ввиду нехранимости тишины),
взгляд, оторвавшись от пола, скользнет и вселится
в лик лицедея, смотрящий из-за спины
каждого — собеседника ли, собеседницы;
дрожь шутовства, бормотание во спасение —
круг гончара под ненужный кувшин заверчен,
лепится — не получается человек,
глина твердеет, крошится и осыпается:

видишь ли, тишина не хранится вовсе,
если надтреснут сосуд разговора — либо
если сосуд сообщается с родником
в грязном пруду, на поверку — с началом лимба;
ты говоришь: далеко до воды, — но вот же,
тело мое кричит в тесной люльке под потолком;
смеешь ли говорить, что душа моя молчалива?
Повремени — и услышь, оставаясь возле:

слово твое — волосинка моя седая —

нет, не могу, сбиваюсь, перехожу на «Вы» —
детство мое, что Вами выставлено на вид, —

мироточивой тишью в памяти оседает.

*** (музыку)

для Дениса Иоффе

она носит внутри себя музыку
не как длительность; не как признак, мету, черту;
не как внешнюю оболочку внутренних органов;
не как вросшую взрослую маску,
не как древнюю детскую наготу,
и не как пружинку внизу живота,
и не как свидетельство Бога

на ладони, в сердце, во внутреннем море.
она очень просто носит ее как целость —
отдельный хрустальный шарик,
независимый, который плавает, куда захочет,
зародыш, один из зародышей мира,
который берет изнутри, изнутри берет окружает:
затишают шарики, когда она ест, плавают, когда ходит, —

человек, любовь, музыка, весть,
случайное впечатление, мама, деньги,
войти, выйти, сиреневый, здесь, не знаю, придумай, вот.
гармония — значит не подозревать
о бесшумном музыкальном взаимодействии:
она носит, и шарики светятся сквозь живот.

*** (Наиле)

...а знаешь, поразительно: вчера мне рассказали сплетню — вот представь: идет по нашей северной столице одна пиитка... даже пиитесса, ну, ты ее не знаешь, подающий надежды голос, индивидуальность, такое солнце, все ее так любят — так вот, мне рассказали: вот представь: идет она по северной столице и что-то ест, проходит Катькин садик и что-то ест из мятого пакета, из белой шелушащейся бумаги, и что-то ест такое — вот представь: всё круглое, и запах как от мяса перченого, и ветер вырывает из белой шелушащейся бумаги кусочки то капусты, то салата, и то капуста, то салат ложатся за пиитессой — вроде как дорожка, застеленная ветром и салатом, нет, ты представь — ну кто бы мог подумать, что поэтессе нравятся бигмаки! и этот факт она от всех скрывает.

Идет и ест — одна, совсем одна,
Прохожие не в счет, они не знают,
Что — пиитесса, подающий голос,
И солнце, и салат, и Катькин садик...

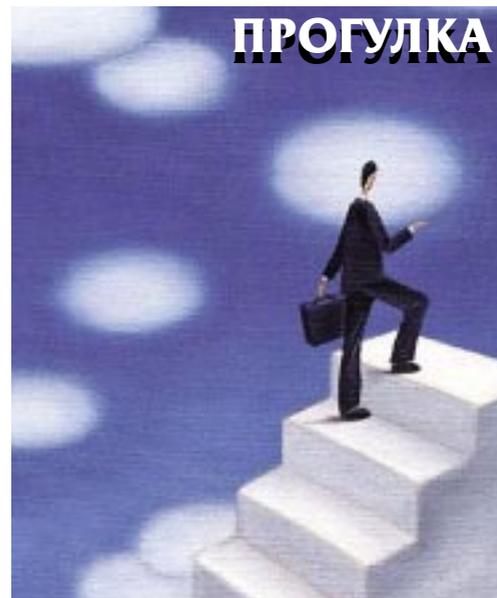
В наш век, до нас начавшийся задолго,
Настолько за-, что пафос неуместен, —
Поэты сразу и во всем признались,
Доковырялись до глубин сознания
И голые стоят в осеннем парке,
Беседуя о судьбах слов и звуков,
Как будто им не холодно без маек
И радостно без прочей спецодежды
(нет, больше я не буду про поэтов,

они ведь тоже люди, им же тоже так хочется иметь такое слово, которое внутри рождает волны стыда и прихотливого желанья, они и так и этак, как игрушку, в ручонках крутят-вертят это слово, но к жизни приспособить не умеют, а если и умеют, то боятся, что очень уж попсово получилось — да, у меня, ты верно догадалась, такое слово — *жизнь*, и нефиг ржать, ничем не хуже, чем твои бигмаки) — Мне просто удивительно, что кто-то — Ну пиитесса, но причем тут это — Стыдится про бигмаки, так стыдится, Что даже никому не рассказала, А ест их из пакета в одиночку, Чтобы никто не да́й бог не увидел, Я так привыкла, что секрет пиита Всегда равно секрет полишинеля Плюс парочка подробностей для смаку. (Стихотворенье выросло в поэмку, хоть набрано всего десятим кеглем, но вот уже и новая страница.. Причуды метатекста объяснимы постмодернистским отблеском салата на плитке вдоль художников на Невском. Я видела сегодня: он валялся, себе валялся очень неподвижно, как будто ветер кончился в столице...)

Она стыдится рыжего бигмака
Как минимум не меньше, чем открытой
Скандально-депрессивной личной жизни,
Пустых порнографических романов,
Обиженных людей и эпигонства,
Когда оно (бывает и такое)
Ей не дает писать как Анашевич,
Ей затыкает рот, и всплески дара
Всплывают еженощно в ливжурнале...

Перед таким секретом всё бессильно:
Правдивый глас психолога о том, что
Ну незачем стыдиться восприятий,
Таких же имманентных и прекрасных,
Как форма пальцев или мамин почерк,
Что следует стыдиться лишь поступков —
Своих, или поступков тех, кто дорог,
Или пускай чужого человека
На транспорте, в квартире на десятом,
Когда-то в детстве или в КВНе...
Мне на живом примере пиитессы
Понятно, что в процессе, при котором
Культура деформирует мораль,
Всегда в живых останется культура.
Но мне другое важно и доводит
До слез, как ни подумаю: представь —
Она *на самом деле* ТАК стыдится,
Что искренность и тайна несомненны,
А я привыкла, что секрет пиита...
Вот я живу, стыдясь совсем другого,
Не делаю секрета из макнагетс,
Не делаю секретов, потому что
Мне нужно, чтобы сильно застыдиться,
Секрет себе *придумать* — а она
Не так, не напридумывала тайны,
И не наприиспособливали к жизни,
А так идет и ест, чтобы не выдать
Того, что ей на голову свалилось
В обличье персональных восприятий,
И это вызывает восхищенье
Реальностью, и цельностью, и силой
Вот этой самой хрупкой пиитессы.
Пускай я дура, я сентиментальна —
Пускай и про бигмаки всё неправда —
Пускай она сама мне рассказала —
Но я еще способна удивляться,
Хотя уже способна не стыдиться,
Узнав очередной секрет пиита,
Касающийся вовсе не бигмаков,
А чьей-нибудь поломанной хребтины.

Мне завидно, что из ее бигмака
По ветру разлетается салат.

[баланчин]

Игорю Васильевичу

*не забудь: дирижер отразится в люстре,
в темноте не останутся без присмотра
утонувшие в музыке рыбы люди,
рыбы гарпии, гуппии и ммоллюски,
это будет как в греции: много моря,
и тропинка кончается в абсолюте.*

[четыре темперамента]

посмотри на себя, каков бы ты ни был сам:
эти четверо все состоят из твоих кусков.
эти семеро руки заламывают к вискам,
не удерживают весов.

эти десять тобой вот-вот заслонят экран,
так в холерике и сангвинике пышет кровь.
посмотри, и сожми кулаки, и глаза открой,
и взмолись о легкости ран.

эти двое сожмутся в объятиях изнутри
и взмолятся с тобой о бренности вечных тем,
об изгибах локтей — и о том еще, что нигде
тебя нет уже, — говорю тебе, посмотри.

[вальс]

это прошлое наше танцует,
танцует в белых перчатках,
в черных фраках, в едва заметных жабо,
в кружевах белья,
в лакированных клавикордах, в китайских чашках,
мои чашечки, мои девочки, перевернутые, как я,

чтобы в нужное время рассыпаться и расплыться,
чтоб чертить пуантами в воздухе
фейерверковые следы.
я хотела бы, чтобы вы танцевали в бумажных платьях
или в платьях из хрупкой слюды:

вальс галантен, и век молчит обо всём хорошем,
и бинокль устал, и горчит непривычный чай.
может, не было это хорошее в нашем прошлом,
может, что-нибудь сохранилось к концу начал,

ко второму антракту, к разрыву в памятной ленте:
героиня мертва, и вроде бы отлегло.
нет, он гений: жизнь продолжается в кордебалете.
дирижер вытирает лоб.

[piano concerto №2]

так белое оживает на голубом:
камеи танцуют, руки уходят вверх.
на фоне моря, на солнечной синеве
гречанки грекам ставят клеймо на лбу:
будь раб мой, будь осторожен и невесом,
да станет счастлив тот, кто тебя лепил.

concerto окончен, камеи крошатся в пыль,
не более настоящую, чем ты сам.

ГОФМАНЕСКИ

М.Шемякину – с благодарностью

1. – КРЫСА!!!

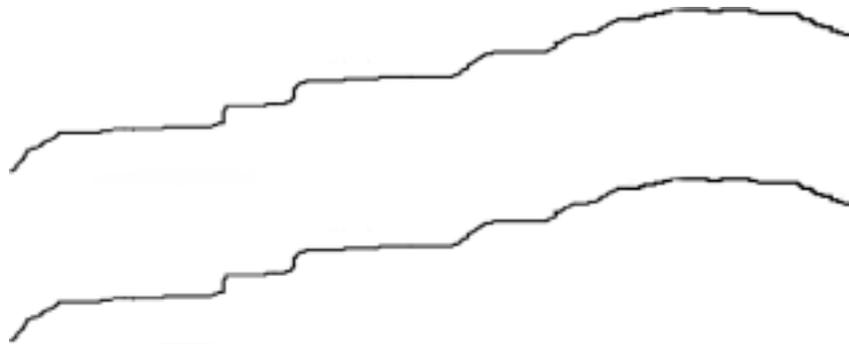
– А-а-а-а!!

– И-и-и-и!!

2. Что вы нашли в продырявленном, словно кусок
Старого сыра, затертом, дряхлеющем Гофмане?
Сказки уходят волной в двухсотлетний песок,
В нас отдаваясь, как эхом, зловещими хохмами.

Что дьяволенка вмещает любая бутыль –
Мы и без книжки доподлинно знаем с младенчества.
Дедушка Гофман: колпак, борода и костыль...
Пальцами тыкать, страницы слюнуть беззастенчиво,

Шумно листать и ногами подчеркивать (вот!),
В сноски глядеть, удивляясь причудам издателя, –
Нам или нет? Под зеркальной поверхностью вод
Старонемецкого где-то ошибка. Не в дате ли

– Гертруда, скажи: это правда, что в кухне
Ты снова видала крысиную морду?
– Хозяйка, клянусь Вам, я тут ни при чем!
И что мне за радость, несчастной стряпухе,
Рассказывать байки, вошедшие в моду?!
Ну разве что на ночь разочек прочтем...

— Гертруда, учти: запрещаю тебе я
Мышиной возни в разговорах касаться.
В почтеннейшем доме не будет мышей!
(Ведь дело не в крысах — от них не робею
Нисколько ни я, ни мои домочадцы.)
Еще раз услышу — прогоним взашей!

4. Скрип ступенек. Пятна света
От свечи.

— Мэри, Мэри, ты ли это?
— Тсссс! Молчи!

Перебудишь, в самом деле,
Целый дом.
Вылезай-ка из постели —
И пойдем!

— Мэри, Мэри, что за странность?
— Странность? Пусть!
— Мэри, Мэри, я останусь,
Я боюсь!

Там на чудища похожий
Старый хлам.
Там наш крестный корчит рожи
По углам.

Там скрипучий и бугристый
Пыльный пол.
Мэри, Мэри, там же КРЫСЫ!
Целый полк!

Этот жуткий, трехголовый —
Не простак!
Он нас съест, попомни слово!
— Если так,

Запирай покрепче двери
И сиди
Тут, как крыса!

— Мэри,
Мэри,

Подожди-и-и!!

5. Мэри в чулане
Словно створки переплетает,
Тихо скрипнет дверь чулана.
Пробежится робкий ветер
По нехоженым полам,
И тотчас навстречу кто-то —
А, да это наш галантный
Колченогий капельмейстер! —
Перегнется пополам,

Мой Вергилий в темном царстве...
Круг чудес (который номер?),
Где в лохмотья мглы и тлена
Все рядиться норовят.
Кто такой он, этот Цахес,
Тот-кого-зовут-Циннобер?
Сучковатое полено,
Нос и пуговицы в ряд.

Это он — пустая шалость! —
На заброшенной скамейке
В самой темной части сада
Нацарапал: «Фриц — дурак».
Я пожалуюсь, пожалуй,
Изумрудноглазой змейке:
Пусть он знает, что не надо
Там царапать всяких врак!

Ах, как страшно! Но не скучно.
Прав папуля Дроссельмейер:
Страх проходит в одночасье,
Разгоняя время вспять.
Если только я не струшу,
Если только я посмею,
Я найду кому-то счастье.
Знать бы только, что искать...

6. *Фриц у двери чулана*

На складе заброшенных кукол всегда темно,
И дышится трудно, и нужно еще суметь
Не рухнуть на кучу отломанных рук и ног,
Кому-то на сердце ступив в непроглядной тьме.

На складе забытых игрушек густая пыль
Гуляет клоками по росчеркам сквозняка.
А в складках костюмчиков часто сидят клопы:
Притронешься — цапнет за палец наверняка.

Что ищет на складе бездомных такой, как ты?
Здесь сырость и мрак, здесь упавший в проем двери
Луч света спасает пришельца от слепоты
И миг ослепляет смотрящую изнутри

Глазастую куклу. Ну вот она я. Бери.

7. — Мэри! КРЫСА!!

— Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Отдай куклу!

8. *Фриц*

Я будущий бургер, а ныне — бурш,
Но есть от чего хандрить:
Я слепну. Торгаш приносил трубу,
Сказал: захочу купить.

Не радуют больше меня любовь
Красоток и смена блюд..
Опять приходил человек с трубой.
Пожалуй, теперь куплю.

9. ...Девушка танцует у окна.

Белая широкая спина
В стекла через улицу видна.

Белая широкая спина
Почему-то вся обнажена.
Музыка неслышна и нежна

Полуобнаженная длина
Вытянутых рук отделена
От пространства стеклами окна

Белокурых локонов волна
На затылке в узел сведена
Девушка печальна и стройна

Плавными движеньями она
навевает призраки из сна
Тихо изгибается спина

белая за створками окна
призраки из медленного сна
девушка танцует тишина

10. *Щелкунчик*

— КРЫСА!

— Ту-

туту-ту-ту-

ту-ту-ту!

Каждая сказка имеет счастливый финал,
Если, конечно, страницы не трачены крысами.
Кто-то меня в темноте по косичке узнал,
Поднял, ощупал и вытер подолом замызганным.

Щели ореховой не предусмотрено губ,
И поцелуй твой примерить
Я не смогу,
Мэри...

А крыса — смотри, ее нет, убежала.
Конечно, камзол безнадежно испорчен,
Как, впрочем, и волосы. Ты уж прости.

А кошка вам все-таки не помешала б.
Я знаю, папаша у вас несговорчив
И в доме все больше собаки в чести,

Но если б не ты (ты чудесно сражалась!
Не зря Дроссельмейер улыбочку скорчил!),
Мне б тело свое ни за что не спасти...

— Милый, милый, я не стою
Этих слов!
Я боялась трех хвостов и
Трех голов!

Наше счастье так случайно!
Вот сейчас — пообещай мне,
Что не будет больше тайны
Между нами!
— Я готов,

Но, Мэри, вся тайна в одном: мне уже нельзя
Почувствовать живость согрешивших рук и ног.
Ты рядом, я счастлив, и замок крысиный взят,
Но кукла есть кукла. Твой крестный, увы, не Бог.

— Мэри, Мэри! Где ты? Я боюсь один!
— Я здесь, Фриц! Возвращайся в постель — и не
беспокойтесь обо мне!

— Так ты — ты решилась!? Оставишь тут
Братишку, его трубу,
Родителей, крестного, дом и пруд?..
Тогда — в Конфитюренбург!

Посмотри, вдали уже видна
Первая цукатная стена.
Дай мне руку, верная жена...

.....
— А-а-а-а!! КРЫСА!!!

АРАБСКИЙ КОШМАР

«Арабский кошмар» — роман английского арабиста Роберта Ирвина. Действие романа протекает в Каире времен раннего христианства. Вэйн и Фатима — второстепенные герои романа.

1
Эманация пара, выходящего из пор змеи,
облекается в плоть,
И ее босыми ногами вытопан путь
от одной ночной невинной жертвы к другой.
Плоть собирает сказки, танцующие, как фонтан,
и лишние, как мертвый утробный плод,
Но если б не он, век бы мне плутать по Каиру
и не споткнуться о спящее между домами тело
слепой в темноте ногой.

Пыльным ступням нельзя говорить,
что где-то под теплой каирской стеной
спит мужчина, способный остановить их ход,
Мужчина, правая рука которого холодна,
как живот гадюки,
а левая горяча, как кровь, бьющая через нос;
Придется идти назад по своим следам,
выплывая истории и оживляя тех,
кто только мертвым вышел из городских ворот,
Но хуже прочего знать, что идешь от левой руки,
а придешь к правой или снова к левой;
и босым ступням становится всё равно.

...Мамлюки — ловцы моей тени —
дошли до тебя и видели,
как на укрытом кошмаром твоём челе
Две глубокие борозды
наполняются потом и шепотом:
«Мой сон для тебя открыт: погуби! приди!»

.....
Каждую ночь, с каждым воскресшим мужчиной
мне снится змея, насаженная на твой член,
И значит, или ты меня разорвешь,
или я согреюсь на твоей груди.

2

Эманация пара из сонных змеиных пор
Не похожа на пар — скорей на прохладный парк
За дворцом давадара; на запутанный спор; на порт —
Кораблиные призраки меж кипарисных арок

Как рука в забытии холодеет ныряя в зыбь
Складок тела фантома Фатимы ведьмы тьмы
так во мне засыпает последним двойной язык,
раздражающий губы, и сны непереводимы:

старичок с обезьянкой не как у тебя внутри
а снаружи на поводке — так и ходит с ней
по чужим сновидениям — мне говорил смотри
то что снилось змеей может вдруг оказаться змеем

всей прохлады в Каире — твой живот и моя рука
сон не выход за стену загадку в нем не найти
и как ложный оргазм — *разлюби меня, дурака,* —
повисает разгадка кольцами паутины

овивает изгиб позвоночника в пояснице
то что змеем окажется змеем же и приснится

3

эманация яда
из пор змеи
в пирамидах солдаты
а в доме ил

наводи переправу
ныряй в нору
принимая отраву
из сонных рук

оплети меня сетью
дырявых вен
призывая спасенье:
инВэйн, инВэйн!

...ни мессии ни бунта,
Каир мой стар.
Я наутро забуду,
Что ты — кошмар.

ВЫСТАВКА «АБСТРАКЦИЯ В РОССИИ»

Александр Юликов. Белая композиция

День выдается растресканным на переулки,
Щерится голыми ветками, тычется в нос
Светом и запахом солнца — согласно науке
Сопровождения путника в городе Кносс.

День разбивается, сыплется искрами смальты
Путнику под ноги. День выдается в кредит
Как обещание Встречи — на плоскости марта,
В чреве толпы, размышлений и грез посреди.

Путай, води меня за нос, Любитель прелюдий,
Каждую жилку тяни из меня. Натяни
Нервы. Я знаю, мы свидимся — там, на углу, где
Белая тень выдается из черной стены.

Вадим Григорьев-Башун. Композиция 7/99

...оконная створка легко отходит,
и солнце выходит. Оно заходит
за занавеску, за моря взвесь,
за плоть, за объемы, за мой рост-вес,
доходит до края пространства, до
обреза земли, золотой водой
залитого, входит до стыков стен —
в окно и до швов черепных костей —
в зрачок. Пробуждается родничок,
и свет превращается в горячо
текущую лаву волос и плеч,
а солнце — проходит, готовясь лечь
в пылающий одр океана, чтоб
когда-нибудь после, потом, потом
взойти — без боязни наткнуться на
застывшую плазму — стекло окна...

Елена Серебрякова. Красное. Из серии «Слово»

И было Слово. Слово было Бог,
И Свет, и Воплощение земное.
И шар вертелся, и носился Дух,
Над бурой почвой вспыхивая ало.

Я помню: пламенеющий клубок
Прожег меня насквозь кометным зноем.
Я вспыхнул, что-то крикнул и потух.
И на Земле еще темнее стало.

Николай Сажин. Тайная вечеря

в лысой серой головке маковой
много-много сперматозоидов —
истин дремлющих ждущих часа

я птенец на печальной трапезе
по столу подбираю зернышки
ливнем падающие сверху

напои напитай мя Господи
солью слов Твоих кровью ран Твоих
семенами Твоих прозрений

прорастающих прорывающих
слишком много сперматозоидов
в голове моей лысой серой

Лев Кропивницкий. Композиция

Я вижу: на глубоком черном фоне
Небесный луч высвечивает лоб,
Усталое плечо и грудь, систему
Сосудов голубых в изгибе локтя...
Я говорю: «Смотри, ей так светло
Сидеть во тьме...» И в это же мгновенье

Ты говоришь: «Смотри, ведь это Демон,
Тот самый Демон — в полночь в небесах,
Тот самый — воплощен и проворонен
Художником... По темно-синей вене
Течет Кедрон. На Песаха весах
Они вдвоем, и оба — плоть от плоти...»

И двое нас. Лишь двое вместе полно-
стью могут осознать, на атомарно-
Молекулярном уровне умолкнув,
Что женщина и Демон изоморфны,
А значит, Люцифер — гермафродит,

И ангелы — двусущностны, двуполы,
И Бог — Оно, не эго-суперэго;
Что в каждом нашем взгляде друг на друга
Таится Божий лик, рисует Врубель
И женщина усталая сидит.

ПРОГУЛКА

1. ***

не взрослою я а старею моя любовь
вроде улицы те же но нет поживей поярче
изменяется фон: то ли сплю я и сон глубокий
(всё течет и мелькает а я как в воде стоячей)

то ли резко проснулась город двадцатый год
пацаненок на Лиговке грязь матерщина пепел
топчут паперть гуляют сбегают идут с торгов
я фон-цыпочка свет мой я фьючер макчикен бэйби

в девятнадцатом веке (лет в девятнадцать) мир
гарцевал как лошадка всадник был безголовый
а пустой магазин назывался антре-ами
по-гусарски сверкая свободной пустой айловью

если двадцать один — рубеж (два креста черта)
перехода в режим наблюденья себя с изнанки
то пока мой родной я не видела ни черта
кроме призрака осени в мутных зрачках Фонтанки.

2. ***

я не могу позволять себе расслабляться
нет разгильдяйству предательству флирту бл*дству
даже какое-то простенькое филярство
я никогда не позволю себе ну дура

я никогда не позволю себе измену
сплечь откреститься скреститься с приبلудным геном
просто пойти выше пляшущих манекенов
хрупко легко по Дворцовому по бордюру

(тут говорят — по поребрику) не могу я
сдаться всмотреться увидеть себя другую
в бурой ребристой воде — прохожу свингуя
мимо немых отражений Нева витрины

стены и лица текучая нестолица
если и есть в этом городе то что длится
но не течет это немочь — не мочь молиться

всё перепутать а если свершится злиться
но никогда не позволить себе излиться
взвуть как другие растечься проговориться
«спаси и сохрани меня Господи
пересохрани меня Господи
сотри ме-
ня..»

3. *** (метро сия)

славный город на неве
на небе в болоте
мамы учат сыновей
вечно быть в полете

шесть пролетов пропусти
на седьмом проверка
то блин лужи на пути
то блин чайки сверху

а в сосудах вечный спад
в сердце клапан квельый

надо или лечь поспать
или выпить колы

4. ***

наша цивилизация
спяща куряща пьюща
мысляща через задницу
и иногда поюща

так что сверкать глазами и
полуприкрытым задом
нашей цивилизации
много ума не надо

видимо, нету разницы
быть ей или казаться
монстром для переразвитых
прочих цивилизаций

только б они не застили
взгляд изнутри такой вот
нашенской колокольни —

нашей цивилизации.

тексты о нелюбви в осенних интерьерах

* (человеку у реки)

*(посмотри вперед человек орет
открывает как рыба рот
и неслышен звук и шаги легки
вдаль идущего вдоль реки)*

вдоль реки
идущему вдоль реки
беловатый воздух втекает в рот
продолженьем вытянутой руки
открывается поворот

*(белым утром плоскости коротки
и близки
посмотри вперед
мы не знаем что на конце руки
предположим что поворот)*

поворот открыт откровенно крив
он уходит левей левей
эта рифма проклята: посмотри
там молчание человек

он орет пытаясь себя загнать
в ускользящий хронотоп

*(не смотри вперед! оглянись в круг:
сквозь туман видны языки огня,
захватившие парк на том*

берегу.)

** (человеку на улице)

а ты меня не думай, не гадай
ты сердцем обо мне поголодай
чтоб кто-нибудь сказал: похолодало
и вышел звук сквозь горло на замке —

чтоб сон не поместился в рюкзаке
чтоб нас неожиданным снегом закидало

как поздно облетевшую листву

и наяву то прошлое осталось
то позапрошлогоднее число

теперь смотри: нас снегом занесло.

*** (человеку у окна)

И подойду, и пальцами ударю,
И плечико откроется, как дверь
На позвоночных петлях, и увижу:
Стекланный лоб и каменные брови
Над полыми глазами, — и скажу:

— Смотри, смотри в свое окно над миром,
и мир в окне молчанием отмерь,
да не уйдет ни в сторону, ни выше
мой ужас по тебе, а только вровень
с землей и рамой встанет эта жуть,

Землей и рамой станет, и в коленях
Любовь сошьет гнездо, и на стекле
Двойное отражение нальется
Дрожащей пустотой — мне слышно: давит,
Мне видно: ветер, дерево, зенит,

Я чувствую — вот-вот — меня заклинит,
Я стану говорить: смотри же, клен,
Стекланный клен, привязанные листья, —
И подойду, и пальцами ударю,
И он последним звоном зазвенит.

ХОЛОДНО

1

холодно холодно
холоднааа
холодом можно достать до дна
доколебать можно холодом до нутра
холодна холодна холодна и мокра

близко и близко и
далеко
из холодильника капает молоко
(кто утверждает что белое есть вода
тот не узнает о холоде никогда)

голодны голодны
голодныыы
небо становится дном, молоко — грудным
с ним поднимаясь на мост и сходя с моста
туча-молочница смотрит из-под зонта

некогда некогда
никогда
в неводе люди и реки но не вода
дно не под пяткой — под попкой и за пупком —
залито молоком

2

холодно холодно холодной
так побледней — молока и воды бледней
перемешай их собою для малыша
тучьего выкормыша

гулюшки гулюшки
голышок
пей молоко, леденящее до кишок
остановись на мосту над собой услышь:
мой водяной малыш

берега берега берегись
берег один свернулся другой прокис
оба отринь не останься ни на одном
между водой и дном

не из груди молоко не вода с лица
с зонтика только сукровица
белая белое не оттереть никак
от холодильника

3

стылая темная комната на шестом
ходики склянки
как метроном молоко затопляет дом
пятки коленки

сколько еще отмерено мне шагнуть
близко не далеко не

...

дождь на балконе делает тишину
дождь на балконе

4

*ну замри пожалуйста. ну не траться:
ни молочным сыном, ни млечным братцем,*

*ни комком тепла, ни глотком, ни шагом
не заставишь грудь разродиться жарким,*

*приложи дитя — окроглен, ограблен,
с ледяных сосков собирает капли:*

*это слово тцится мое, сочится,
что ж ему так хочется получить,*

*замереть водой, молоком нагреться,
сотвориться, в целости умереться,*

*но кричит ребенок: а накось-выкусь,
косина, бездонная безъязыкость,*

*и шатает, каждым шажком шатает
круглый мост, и холодно, и не тает,*

*ну замри — вот жизнь моя, и над нею
молоко прозрачное леденеет.*

мифология

1

начни отсчет с последнего числа
и каждым шагом приближай начало
не я но афродита начала
возлита жертва клятва прозвучала
ушла фемида гера не спасла
и полиник из гостевого кресла
встает как лев назло амфиараю
скажи скорей что я так не играю
я по-другому делаю дела
скажи скорей пока я догораю
у нас любовь и слава всё дотла

у нас война шелома на чело
у них ворот несчетное число
они и мы омечевали чресла
но больше всех аиду повезло

отправимся пожалуй всемером
мой верный меч — он наречен Пером
мой верный щит — он площе чем бумага
мой верный лук — он гибок но не мягок
мои ладони — инструменты мойр
мой верный друг — подобен мертвой глыбе
мой верный я — он просится домой

когда дойдем прибавится восьмой
мой верный брат — и верная погибель

начни считать: второй четвертый кратный
прекрасный кровный — и колчан мой пуст
предречено предрешено но пусть
скорее скажут: ужас этот ратный
не есть мой нарождающийся путь
в твой город золотой и семивратный
скажи скорей: прости меня обратно

пока слова нам значат что-нибудь

2

такой мифологический сюжет —
жену сожжет к сицилии бегущий:
балласт бесценен, выжечь и бежать

бежит атлет движением зажат
бежит вино и амфора дрожит
бежит корабль и разрезает днищем
густое средиземье пополам —
от сцен, и драм, и лжеэпиталам
до нового, живого рубежа

до выкормышей италийской пущи
до волчьей пищи близнецам и нищим

сестра моя ты слишком церемонна
сюжету гармоничность ни к чему
чем круче разворот —
тем меньше мук
дай бог при переключке поименной
откликнуться из сотни одному
дай бог в конце набрать хотя бы роту
которая не будет мстить ему,
остаться обреченному народу,
за город мой мой род и мой народ

причалим втащим корабли на грунт
и свалим в кучу трупы и знамена
пусть кадмовы потомки соберут
тела и сложат мертвого кадмона
и будут жить спокойно и инертно

мы к ним придем из златоносных руд
мы миф но нутряной но имманентный
мы соль чужой земли ведь это мы

здесь стали жизнью — земляной и медной
здесь стали смертью

корабли несметны
и профиль так подчеркнуто монетный
глядит на берег брошенный
с кормы

3

героя объявят бандитом
и вспять повернут времена
зачем ты разъята раздета
сердита твоя афродита
зла гера фемида грустна

тела сочтались пластались
зачем мы детьми не остались
зачем нам такая усталость —
погибельно так уставать
в разгаре постельных ристалищ
застали — тебя освистали
послали меня воевать

и гибнет за крепостью крепость
сплошная игра и нелепость —
страна превращается в эпос,
до самой пустой запятой
тщеславьем и страстью объята

и брат наступает на брата
обутой в железо пятой

узлы разрубаются с бою
нам имя и знамя — любое
мы все занимались любовью
и путались во временах
нас били нас насмерть рубили
мы падали наземь и ныли
и выли и враз позабыли
всю калокагатию нах

забыли? забыли и ладно
люби не люби но живи

мы счастье находим досадным
в своем положении осадном
и нету дороги назад нам
мой сын будет славным и статным
пойди-ка его позови
послушать о древнем законе

запомни, запомни, запомни:
война наступает внезапно

от переизбытка любви

АНГЛИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

ЛОНДОН. СТИХИ ПО ДОРОГЕ

***** (из окна)**

*Ветка липы качается.
Самолеты не прекращаются.*

*Обещается,
Не воплощается,
Да так и прощается,*

*И теряется,
Не проверяется,
Да там и находится,
Обретается –*

*И доверяется
Тем, кто охотится,*

*Прилепляется,
Надоедает,
С охотой дарится –*

*Самолеты летают,
Равновесие соблюдается,*

*Словно всё и всегда,
И красивое и некрасивое, –
Бесконечное слово,
Древним богом произносимое.*

ОСЕНЬ

Осеннее утро – стекло, флакон;
В нем воздух, разбавленный молоком.
Совсем не проснуться – совсем легко,
Но – надо, дружочек, надо,
Хотя и настолько мутна тропа,
Что, кажется, выйди – и всё, пропал,
Куда бы ботинок твой ни ступал
В течение променада,

И белое солнце едва видать,
И Темза не знает, что в ней вода,
И движется bus не поймешь куда –
Вперед, на кулички, к Свану,
И качка баюкает каждый нерв,
И взгляд застывает, остекленев,
И мой Альбион не туманен, нет, –
Он полностью скрыт туманом.

Давиду

Сойдешь ли с крыльца – и за прелью листвы уловишь
Настойчивый запах воды в направлении хода:
Маршрут от рассвета к закату – упругой хордой
Небесной дуги – резонирует в каждом слове

Со временем, ставшим не вектором, а скаляром,
Уставшим дробиться на тезу и антитезу,
И полнятся вены серебряно-ртутной Темзой,
Тревожа Неву, задремавшую в капиллярах,

И стылое это соитье – как долгий стон – как
Далекая боль – как невысказанная радость...
В моем сентябре до сих пор отцветает август,
Но крик перелетной души по-октябрьски тонок,

И близкий ноябрь — обернется последней милей
До жизненной дельты, ветвящейся и глубокой...

...

Роса оседает на листья слезами Бога.
Так плачет ребенок, едва появившись в мире.

Если на мост — то по обе руки река,
Если вдоль берега — ветер почти замрет.
В светло-лиловые с прожелтью облака
Медленно, немо спускается самолет...

Если еще хоть секунду продлится тишь,
Что-то внутри оборвется, собьется темп,
Сбудется сон: раздвоишься и — полетишь,
Точкой оставшись у берега речки Thames.

И.

радость моя, о бездонная радость моя,
сколько записано слов, перепутано чисел,
сколько секунд, сколько сил отбирает ноябрь,
сколько ветров овеивает твой призрачный Чизик,

сколько шагов — ни на йоту не ближе края

тени твоей, затемнившей меня до краев...
краешки губ содрогнутся — к беде ли, к беседе...
только бы скрыть — целованьем, молчаньем, враньем, —
сколько бескрайней разлуки ношу я под сердцем,
горе мое, обретенное горе мое.

...Стенает «sos» в радиорубке,
Горят сигнальные огни,
Но возвращаются голубки,
И значит, мы совсем одни,
Ковчешники, ублюдки Ноя...
Ты скуп, небесный казначей!..

...Какое облако смешное:
На нем корона из лучей.

A stranger. Стоит ли удивляться:
За годы питерских ингаляций
Легла лишь тень водяного глянца
На краешки альвеол,
А здесь я — остров: вода, вода, и
Никто руки не подаст, когда я
Тону, захлебываясь мастдаем,
Звучащим как «f*ck you all»...

Прилив силен, но, по счастью, краток:
Не мне менять мировой порядок...
В толпе, раскрашенной в сотни радуг —
Зонтов, языков, валют, —
Я в черном, белая, как ворона...
О ветвь омелы! о шерсть у трона!
...Два негра топчутся по перрону,
Гогочут и вниз плюют.

На черной тумбе табличка «litter»,
И мне смешна позолота литер —
Как будто вызолочен в транслите
Наш русский привычный «литр».
И я в ответ улыбаюсь пьяно,
Почти исчезнув на окаянном,
На близком холоду океана,
На самом — краю — Земли.

ВЕЧА

Безудержным солнцем кончается долгий март.
День светится. Извиваются прихотливо
На пленке воды расплывчатые дома,
И дереву с берега видно в часы прилива,

Как ветки занозят сияющий синий свод
И ветер подолом цепляется за вершину...
Врастать постепенно в небесное вещество —
Чтоб вытянуть корни скорей из земных зажимов

И вниз побежать, как неведомый стив дедал,
Коснуться ладонями влаги и тихо — тише —
Взмолиться: останься — и снова застыть, услышав,
Что Темза смеется. Темза уходит вдаль.

* * *

...И жить над рекой, и ловить облака,
Висящие стайкой в углу потолка...
Легка твоя ноша, куда как легка:
Автобус, дома, река,

И мечет рассвет золотые мечи
В болтающих женщин, звонящих мужчин...

В автобусе явственный запах мочи.
Терпи и молчи. Молчи,

Жалей себя, где-то внутри жалей,
Водой из реки огоньки залей.
Легка твоя ноша, но всё тяжелей
Ходить по чужой земле.

* * *

бурдá в животах и бурдах
поздняк говорю поздняк
мне дышится так как будто
осталось дышать полдня

шумит вода в водостоках
вот-вот разойдется дождь
порвется не там где тонко
а там где никак не ждешь

от края до края близко
вот трещина нá взглядишь
там люди по-австралийски
идут головами вниз.

* * *

Спроси у себя, спроси
На лондонских перегонах,
Хватает ли бабьих сил
На то, чтоб издалека

Любить — и хотеть вернуть —
Великий и страшный город,
Разграбленную страну
И пьющего мужика...

Покинувшим рубежи —
Легко вопрошать, и грош нам
Цена, да и ей — гроши,
Стране с бытиём-бытьём...

«А что ж мне еще любить?» —
Спроси себя осторожно,
И поле духовных битв,
Даст бог, порастет быльем.

hammersmith bridge

Целый год каждый день, чтобы попасть в центр Лондона, я пересекала Темзу по Hammersmith Bridge – мосту Хаммерсмит. Пешком или на автобусе. Этот мост в округе считается слабым, даже табличка на нем есть: weak bridge. Грузовики по нему не ходят. Но полные автобусы – вполне.

С моста очень красивый вид, но мне по нему было немного страшно ездить.

Отсюда и вариации.

* (старик)

на хаммерсмите слабый мост
и может стать
он нас погубит — in the most
simplistic manner

уже исходит от воды
дыханье старца
уже у лодок много дыр
в кругу семейном

уже предутренный прилив
в прощальной ласке
почти не трогая земли
теряет силы

уже свернулась тишина
в пустой коляске
(увы, покойная жена
не доносила...)

и ветер рвет кусочки слов
с рекламных стендов
но старец elegant и slow —
не без претензий

у старика в руке клюка
и Evening Standard

уходят к морю облака
мелеет темза

** (vs)

вода кончатся не должна
но лодка дном коснулась дна
вот-вот оставит нам волна
размокший берег

последний плеск удар весла
на хаммерсмите мост ослаб
не держит нас не держит зла
не ждет истерик

уплыли в греки из варяг
дожди и снега января
и ты сомненьями не зря
вконец истерзан

тут всей любви — на два глотка
давай допей вникай лакай

уходят к морю облака
мелеет темза

*** (и пусть)

так легок путь так светел день
мир тонок ныне
взойди на мост кивни воде
твои шальные

шаги слышны издалека
и голос дерзок

над нами свет и облака
под нами темза

**** (вечер)

река под вечер обмелеет
и лягут тени у дорог
и станет четче и круглее
на лбу не смытое тавро

национальной галереи
и лайбрэри на юстон роуд —

носы венецианских гондол
страницы бесконечных книг

какая нежная погода
установилась в эти дни
дойди до берега другого
на берег брошенный взгляни

мир хрупок и как прежде тесен
тоска как пленочка тонка
надейся всё еще надейся
на лоб и проблеск маяка

текут ветра мелеет темза
и к морю рвутся облака

****** (к ночи)**

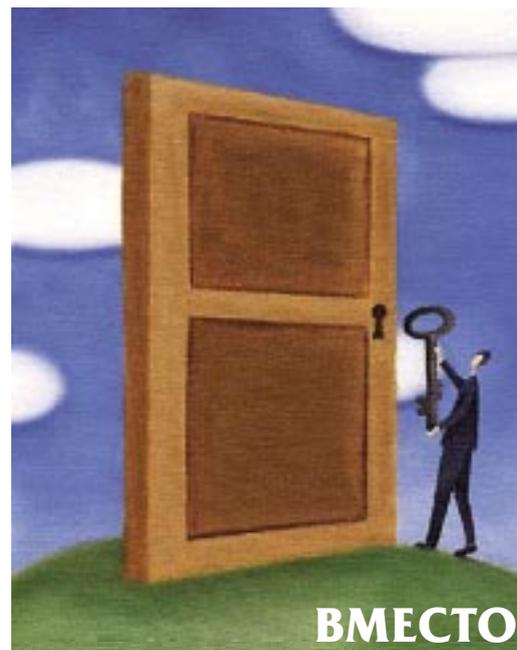
засяду поглубже в кресло
залягу поглубже в ванну
тиха но полна до треска
незначашими словами

на столике одиноком
остывшие чай и чайник
и в стекла французских окон
стучится мое молчанье

и вновь открывает лондон
воздушные коридоры
невидимым самолетам
неслышного закордона

забьюсь под крыло немое
никто моих крыл не отнял

так ночь укрывает отмель
так облако рвется к морю

**ВМЕСТО
ЭПИЛОГА**

*** (пластинка)

...А я пишу стихи Наташе и не смыкаю светлых глаз.

Даниил Хармс

*На Грибоедовом канальчике
Смеются девочки и мальчики,
А у меня замерзли пальчики
И в голове играет джаз.
А ты зовешь меня Наташею —
Нездешней, неземной, ненашею,
Всё удивляешься, куда же я,
И не смыкаешь светлых глаз.*

Из незаконченного

*...город двадцатый год
пацаненок на лиговке грязь матерщина пепел
Из цикла «Прогулка»*

Слышишь? Голос с пластинки просится,
Слышишь? Сердце мое занозится,
Патефонной иглой наносятся —
На ладони — чужой рассказ,
В атлас — лобные капителии,
На пластинку — спираль истории...
На каком никаком повторе я
Застреваю на этот раз?

Век ли, год ли, неделя без году...
Раньше Миллера, Джойса, Беккета —
По растресканному эмбэнкменту —
Как по рукописи иду.
А навстречу вдоль Грибоедова
Тетки с сумками прут комбедово
И глазют на храм базедово:
В храме нынче хранят еду.

Я читаю сухие трещины,
Нитку бус у кричащей женщины,
Шрифт газетный, чужие вещи на
Черных рынках, в руках менял;
Надо мною — ничье наследие —
Блещет купол: в слепящем свете я
Пропускаю десятилетия,
Слишком сложные для меня;

Окликаю — пятидесятые,
Все цветастые, полосатые,
Узкобрюкие и ушатые —
Тонкогубую гольтьбу...
То-то мод за полвека минуло,
То-то пращуров нас покинуло,
Что-то выросло, что-то сгнуло,
С гиком вылетело в трубу.

Нам остались — фасад Фонтанного,
Бывший вуз ЛомоносоЖданова,
Царский храм, освященный заново, —
Хрупкий смальтовый новодел...
Здравствуй, племя младое, глупое:
Перекрасим халупы в клубы — и
Пусть детишки родятся щуплые,
Непохожие на людей.

Вырождающаяся нация
В ожидание реинкарнации...
Время сна, полоса стагнации —
Словно взлетная полоса,
В бесконечность концом упертая...
Рим закончился. Жизнь четвертая.

...На старинных пластинках — стертые
Одинокие голоса.

СОДЕРЖАНИЕ

О поэзии Светланы Бодруновой. Людмила Зубова 7

Пиит и стол 8

СТИХИ НАЧАЛА ВЕКА

*** (дождь) 10

Публичка 11

«Лето. Горе белокожим!» 12

На Стрелке 13

маленькому гению 14

капельки 15

Пасха 16

колыбельная наоборот 17

О бывшем 18

УСЛОВНЫЕ НАЗВАНИЯ

*** (кто камушком...) 20

*** (вновь я посетил) 21

*** (васильевский осень) 22

рыба рыба 23

*** (приземление) 24

*** (птенец) 25

*** (лермонтов) 26

пейзаж после битвы 28

случайная реминисценция 30

начитавшись фанайловой 32

*** (дом кино) 34

нестройная плясовая 35

из цикла «письма этой весны» 36

*** (он ей) 38

*** (на юг) 39

*** (виноград) 40

mafiosi 41

*** (последний герой) 42

ВТОРЫЕ Я

*** (san benedetto) 44

поборающему человек. отрывок 45

*** (бабушке) 46

*** (сестре) 47

Оттепель в столицах 48

Баварский праздник урожая 49

*** (август) 50

*** (крыжовник) 51

*** (читая Мякишева в самолете) 52

*** (про одного мальчика с фотографии) 53

Санджару 54

*** (музыку) 55

Уаллику в Ригу 56

*** (Наиле) 58

ПРОГУЛКА

[баланчин] 62

[четыре темперамента] 63

[вальс] 63

[piano concerto №2] 64

ГОФМАНЕСКИ 65

АРАБСКИЙ КОШМАР 71

ВЫСТАВКА «АБСТРАКЦИЯ В РОССИИ» 73

Александр Юликов. Белая композиция 73

Вадим Григорьев-Башун. Композиция 7/99 73

Елена Серебрякова. Красное. Из серии «Слово» 73

Николай Сажин. Тайная вечеря 74

Лев Кропивницкий. Композиция 74

ПРОГУЛКА 76

1. * * * 76

2. * * * 76

3. * * * (метро спя) 77

4. * * * 77

тексты о нелюбви в осенних интерьерах 78

* (чеорвеку у реки) 78

* * (человеку на улице) 78

* * * (человеку у окна) 79

холодно 80

мифология 82

АНГЛИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

*** (из окна) 86

ЛОНДОН. СТИХИ ПО ДОРОГЕ 87

ОСЕНЬ

«Осеннее утро – стекло, флакон...» 87

«Сойдешь ли с крыльца – и за прелью листвы уловишь» .. 87

«Если на мост – то по обе руки река...» 88

«радость моя, о бездонная радость моя...» 88

«Стенает «sos» в радиорубке...» 88

«A stranger. Стоит ли удивляться...» 89

ВЕСНА

«Безудержным солнцем кончается долгий март...» .. 89

«...И жизнь над рекой, и ловить облака...» 90

«бурда́ в животах и бурдах...» 90

«Спроси у себя, спроси...» 91

hammersmith bridge 92

* (старик) 92

* * (vs) 93

* * * (и пусть) 93

* * * * (вечер) 93

* * * * * (к ночи) 94

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*** (пластинка) 96

С.Бодрунова

Прогулка. *Стихотворения.* — «Амфора/Геликон
Плюс», Санкт-Петербург, 2004. — 100 с., илл.

ISBN

Светлана Бодрунова

ПРОГУЛКА

Стихотворения

Редактор серии А.Н.Житинский
Книга выходит в авторской редакции
Верстка и корректура С.Бодруновой
Художник Дм.Горчев

Изд.лицензия №065684 от 19.02.98
Подписано в печать 27.12.2004. Формат 84х108^{1/32}.
Гарнитура FrizQuadrata

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»
Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, 28
Email: helicon@mail.ru
<http://www.helicon.spb.ru>